

«Станция не любит чужих»

ОЛЬГА В. АНДРЕЕВА

ПОВЕСТЬ

ЭПИЗОДИКА

Ольга Андреева

Станция

«Автор»
2026

Андреева О.

Станция / О. Андреева — «Автор», 2026

Двенадцать сотен метров над океаном, башня научного комплекса на скалистом мысе, несколько дней командировки — и правила, которые здесь соблюдают все.Меня включили в экспедицию: лаборатории, лифты, ветер, который слышно сквозь бетон. Работа несложная, если не нарушать инструкции. А их много: как крепить страховку, как ходить по внешним маршрутам, что делать, когда погода испортилась быстрее прогноза. Инструкторы повторяют одно и то же так настойчиво, что начинаешь подозревать: эти правила написаны не из осторожности, а из опыта.Я собиралась отработать свои дни, посмотреть в телескоп и вернуться домой. Но чем дольше я слушаю людей, которые живут здесь годами, тем отчётливее понимаю: на Станции не принято задавать некоторые вопросы — и уж точно не стоит произносить вслух то, что здесь и так знают.

© Андреева О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

О повести 5
Часть первая 6
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Ольга Андреева
Станция

О повести

На Станции есть правила. Их не объясняют — их просто соблюдают.

Меня включили в экспедицию на крупнейший в мире высотный научный комплекс. Башня на скалистом мысе, двенадцать сотен метров над океаном, лаборатории, лифты, ветер, который слышно сквозь бетон. Работы на несколько дней, потом домой.

Начинается всё с инструктажей: как крепить страховку, как ходить по внешним маршрутам, чего не делать в шторм. Инструкторы повторяют одно и то же так настойчиво, что начинаешь подозревать: эти правила написаны не из осторожности, а из опыта.

Я собиралась отработать свои дни, посмотреть в телескоп и вернуться. Придётся вместо этого очень внимательно слушать людей, которые живут здесь давно, — и замечать, о чём они молчат.

Часть первая

Впервые я увидела Станцию задолго до того, как мы к ней подъехали.

Сначала это была тонкая вертикальная полоска где-то на горизонте. Она едва отличалась от многочисленных мачт и вышек, которые мы встречали по дороге, разве что на её вершине угадывалось какое-то утолщение. Из-за расстояния и дрожащего над землёй воздуха конструкция казалась совершенно игрушечной. Маленькая башенка, словно кто-то воткнул в землю булавку с круглой головкой.

Я даже не сразу поняла, что это она.

Наш автобус уже несколько часов трясся по узкой дороге, проложенной среди камней и бесконечных бурых холмов. Растительности почти не было. Редкие пятна травы, мох, какие-то низкие кустарники, отчаянно цепляющиеся за землю. Временами дорога поднималась, открывая вид на океан, потом снова ныряла между скалами, и мы продолжали ехать посреди практически безжизненного пейзажа.

Место было удивительное. Красивое, наверное. Если вам нравится смотреть на камни.

Мы ехали большой колонной. Впереди два внедорожника, за ними автобусы с сотрудниками и приглашёнными специалистами, дальше грузовики с оборудованием, контейнерами и продовольствием. Замыкали колонну ещё несколько служебных машин.

Станция находилась настолько далеко от ближайшего населённого пункта, что отдельные поездки сюда старались не совершать. Дорога была одна, погода непредсказуемая, а мобильная связь закончилась примерно одновременно с асфальтом. Поэтому транспорт собирали в колонны и отправляли по расписанию.

Мне нравилась эта организация. Было в ней что-то от полярных экспедиций, хотя мы всего лишь ехали на работу.

Я вообще очень хотела попасть сюда.

Станция была крупнейшим в мире высотным научным комплексом, и некоторые исследования, которые проводились на её верхних уровнях, имели непосредственное отношение к моей работе. До сих пор я видела её только на фотографиях, технических схемах и в бесконечных презентациях. Причём схем было значительно больше, чем фотографий.

И вот теперь она стояла передо мной.

Точнее, где-то очень далеко передо мной.

Минут через сорок я заметила, что башенка стала больше. Появилось основание, какое-то нелепо толстое по сравнению со стволом, стали различимы несколько круглых платформ на разных высотах.

Я попыталась прикинуть расстояние до неё по окружающему ландшафту, но довольно быстро запуталась. Станция словно не подчинялась перспективе. Мы ехали и ехали, холмы становились ближе, исчезали за окнами, появлялись новые, а она продолжала стоять почти неподвижно.

Только увеличивалась.

Постепенно я начала понимать, что дело не в атмосферных искажениях.

Она действительно была настолько огромной.

Когда дорога в очередной раз поднялась на перевал, перед нами открылся весь мыс.

И вот тут в автобусе стало тихо.

Узкая полоска земли уходила далеко в океан, а в её конце возвышалась чудовищная железобетонная конструкция. Огромная башня с массивным основанием, которое расходилось в стороны гигантскими наклонными опорами. Над ними поднимался толстый бетонный ствол, уходящий в небо больше чем на километр. На разных высотах его опоясывали металлические платформы, а самую верхнюю венчал широкий диск, над которым торчал тонкий технический шпиль.

Я знала, что диаметр Верхней платформы составляет сто сорок метров.

Я знала, что общая высота сооружения — почти тысяча триста.

Я даже знала, сколько приблизительно бетона ушло на строительство этой дуры.

Но, оказывается, знать и видеть — совершенно разные вещи.

У подножия Станции раскинулся целый промышленный городок. Ангары, склады, технические корпуса, жилые здания, дороги, грузовые площадки. Издалека всё это выглядело небольшим посёлком, пока я не заметила грузовики, ползущие между зданиями.

Обычные полноразмерные грузовики.

Только отсюда они казались муравьями.

А Станция продолжала возвышаться над всем этим хозяйством, совершенно неприличная в своих размерах.

Когда мы наконец спустились к основанию, я обнаружила, что из окна автобуса уже невозможно увидеть её целиком. Приходилось буквально прижиматься лицом к стеклу, чтобы разглядеть Верхнюю платформу, нависшую где-то в небе.

Вблизи сооружение выглядело гораздо менее футуристично, чем на фотографиях.

Скорее как огромный военный корабль, который по какой-то причине решили поставить вертикально.

Металлические панели, ряды заклёпок, толстые болтовые соединения, сварные швы, кабельные трассы, технические лестницы и бесчисленные элементы крепежа. Кое-где краска уже облупилась, обнажив ржавый металл. В других местах виднелись свежие, заметно более светлые участки антикоррозийного покрытия.

Судя по всему, покраска Станции была процессом бесконечным.

Как ремонт в квартире. Только квартира высотой в тысячу триста метров.

Автобус свернул к одному из зданий у основания башни и остановился.

За окном уже суетились рабочие. К грузовикам подъезжали погрузчики, кто-то открывал ворота складов, кто-то встречал прибывших и сверял фамилии с планшетом.

Обычное начало рабочего дня.

Я взяла рюкзак, дождалась, пока откроют двери, и вышла наружу.

Пахло морем, соляркой и холодным металлом. Ветер немедленно забрался под куртку, растрепал волосы и заставил пожалеть, что я не надела шапку.

Я подняла голову.

Где-то далеко наверху, почти теряясь в голубом небе, висел гигантский металлический диск.

Я улыбнулась.

Мне предстояло провести там несколько дней.

Вообще-то это была командировка. Хотя слово «экспедиция» подходило значительно больше.

Наша небольшая научная группа прибыла сюда для установки нового комплекса климатических датчиков, разработкой которых мы занимались последние несколько лет. Датчики были частью большого исследования, и для получения необходимых нам данных их требовалось разместить на разных высотах, в том числе на наружных конструкциях Верхней платформы.

Собственно, поэтому мы здесь и оказались.

Попасть на Станцию было непросто. Объект режимный, и экскурсии здесь не проводили. Вообще. Даже на Байконур, кажется, было проще попасть — туда хотя бы туристов пускали. Здесь же одного научного интереса было совершенно недостаточно.

А интерес был огромный.

Несколько лет я наблюдала за развитием этого проекта со стороны, читала публикации, изучала результаты исследований. И теперь у меня появилась возможность не только увидеть всё своими глазами, но и поработать здесь.

Правда, для этого сначала предстояло доказать, что нас вообще можно выпускать наружу.

•••

У входа в административный корпус нас встретила женщина лет пятидесяти, невысокая, энергичная, с короткими седыми волосами и совершенно не подходящей этому суровому месту широкой улыбкой.

Она представилась, но я почти сразу забыла её имя. Кажется, Марина. Или Марта. В общем, что-то на М.

Зато прекрасно запомнила, что она сказала после короткого приветствия:

— Добро пожаловать домой!

Я тогда ещё подумала, что для довольно закрытого научного объекта это неожиданно трогательное приветствие.

Она быстро пересчитала нас, сверилась со списком и повела внутрь.

По дороге мы миновали разгрузочные площадки, склады и несколько служебных корпусов. Везде что-то происходило. Грузчики выкатывали из фур огромные контейнеры, электрокары сновали между зданиями, сотрудники здоровались друг с другом, переговаривались, смеялись.

Я ожидала увидеть что-то вроде военной базы. Строгие лица, пропуска, охрана, бесконечные проверки.

Проверки, конечно, были. И охрана тоже.

Но вся эта территория производила совершенно другое впечатление.

Люди здесь будто действительно любили свою работу.

Причём не только учёные или инженеры. Даже женщина, которая протирала стеклянные двери административного корпуса, с таким удовольствием рассказывала кому-то из наших о местных погодных условиях, словно лично отвечала за их разнообразие.

Впрочем, учитывая расположение Станции, жаловаться на недостаток разнообразия ей вряд ли приходилось.

Нам объяснили, что посёлок у основания башни вовсе не является населённым пунктом в обычном понимании. Здесь не было постоянных жителей, семей, школ и прочей привычной городской жизни. Только сотрудники комплекса, преимущественно работавшие вахтами.

Склады, мастерские, энергетическое хозяйство, технические службы, жилые корпуса, столовая, медицинский центр. Всё принадлежало Станции и существовало исключительно для её обслуживания.

В сущности, это тоже была Станция.

Просто её самая приземлённая часть.

•••

После регистрации и оформления пропусков нас распределили по жилым помещениям.

Моё место оказалось внутри одной из гигантских наклонных опор, поддерживающих центральный ствол башни.

Я сначала решила, что ослышалась.

— Прямо внутри?

— Ну да, — улыбнулась сопровождающая. — А что, зря столько бетона заливали?

Оказалось, массивные опоры были далеко не сплошными. Внутри располагались технические помещения, коммуникационные шахты, лестницы и даже небольшие жилые секции.

Моя комната находилась на одном из нижних уровней. Небольшая, но вполне удобная: кровать, стол, шкаф, собственный санузел. Всё довольно простое, крепкое и функциональное. Больше напоминало корабельную каюту, чем гостиничный номер.

Впрочем, это сравнение приходило мне в голову уже не впервые.

Станция вообще удивительно напоминала корабль.

Только очень большой.

И почему-то вертикальный.

Я бросила рюкзак на кровать и подошла к окну.

Оно было небольшим, довольно глубоко утопленным в бетонную стену. За ним виднелись техническая площадка, несколько складских зданий и узкая полоска океана между скалами.

Солнце уже клонилось к горизонту.

На столе лежала папка с расписанием ближайших дней.

Я раскрыла её.

Инструктаж.

Теоретическая подготовка.

Практические занятия.

Повторный инструктаж.

Проверка навыков работы на высоте.

Допуск к самостоятельному выполнению работ.

Я перелистнула страницу.

Ещё инструктаж.

В общем, скучать нам не собирались позволять.

Особенно тем, кому предстояло устанавливать оборудование снаружи.

Для этой работы из нашей группы специально отобрали нескольких человек с альпинистской подготовкой. Остальные должны были заниматься подключением датчиков, настройкой программного обеспечения и контролем поступающих данных из операторских помещений.

К сожалению, передать установку оборудования местным высотникам мы не могли. Некоторые операции требовали непосредственного участия разработчиков, и руководство

Станции согласилось допустить нас к работам при условии прохождения полного курса подготовки.

Причём предупредили совершенно недвусмысленно: не сдадим практический экзамен — поедем домой.

Вместе с датчиками.

Никаких исключений, даже если наше исследование чрезвычайно важное, а оборудование уникальное.

Я посмотрела на расписание ещё раз.

Потом на окно.

Потом на огромную бетонную стену, которая, собственно, и являлась стеной моей комнаты.

Завтра предстояло начать знакомство со Станцией.

Пока она нравилась мне всё больше.

•••

После ужина нас пригласили в кают-компанию.

Я уже почти перестала удивляться морской терминологии, но всё ещё не могла привыкнуть к тому, что нахожусь не на корабле.

Кают-компания оказалась большим помещением с низким потолком, длинными диванами вдоль стен, несколькими столами и совершенно невероятным количеством разномастных кресел. Было ощущение, что каждый новый сотрудник привозил сюда собственное, а потом забывал забрать.

Народу собралось много. За одним из столов играли в настольные игры, оживлённо спорили и периодически обвиняли друг друга в мошенничестве. У окна устроилась небольшая компания с гитарой. Кто-то пел, кто-то пытался подпевать, а мужчина с кружкой чая в руках время от времени поправлял гитариста, утверждая, что тот совершенно не умеет играть.

Гитарист соглашался и продолжал.

В дальнем углу работал большой телевизор, но его никто не смотрел.

Нас встретили так, будто мы приехали в гости к старым знакомым. Подвинулись, освободили несколько кресел, предложили чай и немедленно начали расспрашивать о дороге.

Я устроилась на диване рядом с двумя инженерами, которые обсуждали какую-то неисправность в системе вентиляции. Точнее, один обсуждал, а второй утверждал, что всё прекрасно работает и первый просто не умеет пользоваться термостатом.

Спор продолжался довольно мирно, пока к нам не подошёл огромный бородатый мужчина в белой поварской куртке.

Он интересовался, понравился ли нам ужин.

Мы дружно заверили, что понравился.

Мужчина просиял.

Оказалось, вечером к причалу подошла рыбацкая лодка и привезла свежую рыбу. Наш новый знакомый, который оказался главным поваром Станции, пребывал по этому поводу в состоянии совершенно детского восторга.

Завтра он собирался запекать палтуса.

Причём не просто запекать, а с каким-то особенным соусом, рецепт которого он долго и увлечённо объяснял, периодически отвлекаясь на обсуждение качества местного сливочного масла.

Кроме палтуса нам обещали фаршированных кальмаров и какую-то рыбу, которую он собирался засолить и подавать через несколько дней.

Я не очень разбиралась в рыбе, особенно северной, но слушала с удовольствием.

Мне вообще нравятся люди, которые любят свою работу.

Причём совершенно не важно, чем именно они занимаются. Разрабатывают климатические модели, ремонтируют генераторы или фаршируют кальмаров.

Повар тем временем вспомнил, что на кухне остался пирог.

— С ягодами! — сообщил он с таким видом, будто речь шла как минимум о научном открытии. — Сегодня испекли. Пойдёмте, я вас угощу.

Мы поблагодарили, но признались, что после ужина вряд ли сможем съесть ещё хоть что-нибудь.

Он посмотрел на нас с явным разочарованием.

— Ну чай-то будете?

Чай мы, конечно, хотели.

Минут через двадцать в кают-компании появился тот самый пирог. Целиком. На огромном противне, который несли двое молодых ребят из кухни.

За ними шёл повар с чайником и довольно улыбался.

Судя по реакции собравшихся, подобные мероприятия здесь случались регулярно.

Настольныеигры немедленно прекратились, гитара замолчала, и вся компания довольно организованно переместилась к столу.

Пирог был прекрасен.

Я даже пожалела, что так плотно поужинала.

Потом съела второй кусок и перестала жалеть.

•••

Чуть позже кто-то предложил посмотреть документальный фильм о восхождении на одну из гималайских вершин.

Свет приглушили, телевизор наконец обрёл смысл своего существования, а мы расселись по диванам и креслам с чашками чая.

Фильм был красивый и довольно страшный.

Люди карабкались по отвесным ледяным стенам, ночевали в палатках, которые едва держались на склоне, и с совершенно невозмутимыми лицами обсуждали вероятность погибнуть от лавины.

Я смотрела на них и пыталась понять, зачем они добровольно туда полезли.

Впрочем, учитывая содержание папки с моим собственным расписанием, вопрос был несколько лицемерным.

Особенно впечатляли кадры, снятые на большой высоте. Сквозь облака иногда проглядывали далёкие горные хребты, и становилось совершенно непонятно, где заканчивается земля и начинается небо.

Кто-то из сотрудников заметил, что наша Верхняя платформа находится значительно ниже этих вершин, но условия работы там иногда бывают вполне сопоставимыми.

Я хотела спросить, что именно он имеет в виду, но в этот момент на экране началось очередное восхождение, и разговор сам собой затих.

В половине десятого фильм выключили.

Не досмотрев.

Оказалось, что на Станции существовало довольно строгое правило: если завтра рабочий день, то в двадцать один тридцать все должны отправляться отдыхать.

«Соблюдай инструкции. Станция не любит бездельников, сонных и чужих.»

Кто-то попытался возмутиться, но ему немедленно напомнили, что утром именно он жаловался на недосып.

Аргумент оказался убедительным.

Мы начали расходиться.

В коридорах было тихо и довольно тепло. Где-то за стенами равномерно гудела вентиляция, изредка щёлкали реле, по трубам проходила вода. Огромная конструкция вокруг нас жила собственной, совершенно незаметной жизнью.

Я вернулась в свою каюту, приняла душ и ещё раз посмотрела расписание.

Завтра нас ждали первые занятия.

Я поставила будильник, выключила свет и забралась под одеяло.

За маленьким окном было уже темно.

Где-то далеко за стенами шумел океан.

А надо мной возвышались тысяча триста метров бетона, стали и человеческого упрямства.

Я подумала, что всё-таки невероятно повезло сюда попасть.

И уснула.

•••

Проснулась я за десять минут до будильника.

Не отдохнувшая, но и не сонная. Просто проснулась и некоторое время лежала, прислушиваясь к незнакомым звукам.

За стеной что-то гудело. Потом щёлкнуло, загудело чуть сильнее и снова стихло. Где-то далеко хлопнула тяжёлая дверь.

Я вспомнила, где нахожусь.

Удивительное ощущение — просыпаться внутри бетонной опоры сооружения высотой в тысячу триста метров. Особенно если учесть, что ещё вчера ты видела эту опору из окна автобуса и она казалась тебе размером с приличную многоэтажку.

Теперь эта многоэтажка была моей спальней.

Я умылась, оделась и отправилась искать столовую.

Заблудиться оказалось довольно сложно. На каждом повороте висели указатели, а по коридорам уже двигались сотрудники, преимущественно в рабочей одежде, с неизменными кружками в руках. Некоторые здоровались со мной, хотя мы совершенно точно не были знакомы.

В столовой пахло кофе, свежим хлебом и чем-то жареным.

Вчерашний повар заметил меня практически от входа.

— О! Наши учёные! Доброе утро! Давай сюда, я тебе сейчас завтрак организую.

Я попыталась объяснить, что обычно по утрам почти не ем и вполне обойдусь кофе.

Он посмотрел на меня с таким выражением, будто я только что сообщила, что собираюсь самостоятельно разобрать несущую опору Станции.

— Кофе она обойдётся. Садись.

Через несколько минут передо мной стояла тарелка с омлетом, жареными грибами, помидорами, двумя кусками хлеба и ещё какой-то запеканкой.

Я посмотрела на тарелку.

Потом на повара.

— Это всё мне?

— А кому? Ешь, пока внизу.

Оказалось, что на верхних платформах с питанием дела обстояли значительно скромнее.

Не то чтобы там голодали. Продукты доставляли регулярно, кухни были оборудованы всем необходимым, а меню составляли заранее. Но возможности хранения и доставки всё-таки ограничивались грузоподъёмностью лифтов и объёмом складов.

Свежие овощи, фрукты, рыба и прочие скоропортящиеся продукты наверх попадали значительно реже.

— Через несколько дней будете там свой картон жевать и вспоминать мои завтраки, — сообщил повар с совершенно довольным видом.

— Какой ещё картон?

— Диетическое питание. Сублиматы. Всё полезное, всё сбалансированное. Ни вкуса, ни радости.

Он помолчал.

— Хотя у них там тоже повара хорошие. Просто продуктов жалко.

Я пообещала обязательно скучать по его омлету.

Он удовлетворённо кивнул и отправился кормить следующего несчастного.

Минут через двадцать я обнаружила, что съела практически всё.

Кроме запеканки.

Её я забрала с собой.

•••

Первый инструктаж начинался в восемь.

Нас собрали в довольно большом учебном классе, расположенном в одном из корпусов основания. На столах лежали планшеты, распечатанные схемы и толстые папки с правилами безопасности.

На стене висела огромная схема Станции в разрезе.

Я подошла рассмотреть её поближе.

Впервые за всё время мне удалось увидеть сооружение целиком, без перспективных искажений и фотографических эффектов.

Основание, три массивные опоры, центральный ствол, лифтовые шахты, технические помещения, платформы, энергетические системы.

Всё было подписано и пронумеровано.

Я сразу попыталась найти верхний уровень, на котором нам предстояло устанавливать оборудование.

Нашла.

Потом Нижнюю исследовательскую платформу.

Между ними было восемьсот метров.

На схеме это расстояние занимало примерно ладонь.

Я приложила к нему палец.

Занятно.

И снова эта надпись на информационном стенде — «Соблюдай инструкции. Станция не любит бездельников, сонных и чужих.»

Я не успела задать вопрос про эту фразу.

Ровно в восемь в аудиторию вошёл мужчина лет шестидесяти, высокий, худощавый, с короткими седыми волосами и довольно неприятным выражением лица.

Он представился главным инженером по эксплуатации высотных конструкций.

Фамилию я запомнила сразу. Орлов.

Возможно, потому что он немедленно потребовал обращаться к нему именно по фамилии.

— Коллеги, доброе утро. Меня зовут Орлов. Я отвечаю за техническую эксплуатацию Станции и безопасность работ на высоте. Ближайшие дни мы будем регулярно встречаться, поэтому предлагаю сразу договориться об одном.

Он положил на стол папку.

— Здесь нет туристов. Вы все прибыли выполнять определённые задачи. Некоторые из вас будут работать снаружи, некоторые останутся в лабораториях. Но правила одинаково обязательны для всех. Неважно, сколько у вас научных степеней и кто подписал ваше направление.

Он посмотрел на нас.

— Если я или кто-то из моих сотрудников говорим, что вам нельзя куда-то идти, значит, нельзя. Если говорят остановиться — останавливаетесь. Если отправляют вниз — отправляетесь вниз. Обсуждать причины можно потом.

В аудитории стало тихо.

— Впрочем, причины мы вам объясним заранее. Именно этим сегодня и займёмся.

И он включил презентацию.

•••

Сначала нам рассказывали об устройстве Станции.

Строительство этого комплекса заняло почти двадцать лет. Причём значительная часть времени ушла не на возведение самой башни, а на разработку технологий, которые позволили бы ей существовать.

Станция стояла на скалистом мысе, уходящем далеко в океан. Расположение было выбрано не случайно: здесь сходились несколько устойчивых атмосферных потоков, а удалённость от крупных населённых пунктов обеспечивала минимальное влияние промышленного загрязнения на результаты наблюдений.

На разных высотах располагались исследовательские и технические уровни. Внизу занимались преимущественно обслуживанием комплекса и наземными измерениями. Выше находились лаборатории атмосферной физики, метеорологические комплексы, оборудование для изучения аэрозолей, облачности и радиационного баланса.

На самой верхней платформе, помимо климатических лабораторий, располагался астрономический комплекс.

Меня особенно интересовал его оптический телескоп. Огромная система со стабилизацией и адаптивной оптикой, позволяющая проводить наблюдения с высоты больше километра над окружающей местностью.

К сожалению, непосредственно к астрономическим исследованиям наша экспедиция отношения не имела.

Но я уже решила, что обязательно попрошу показать телескоп.

Орлов тем временем перешёл к энергетике.

Сначала я не вполне понимала, почему он уделяет ей столько внимания.

Станция стояла на земле. К её основанию подходили линии электропередачи. Там же находились собственная электростанция и распределительные подстанции.

Казалось бы, протянули кабель наверх — и вопрос решён.

Оказалось, не совсем.

— Представьте, — сказал Орлов, — что у вас произошла авария на наземной подстанции. Или повреждён питающий кабель. На высоте тысяча двести метров находится несколько сотен человек. Что мы делаем?

— Включаем резервное питание? — предположил кто-то.

— Правильно. А если резервный кабель повреждён вместе с основным?

Он вывел на экран схему распределения электроэнергии.

Оказалось, каждая крупная платформа имела собственную энергетическую систему. В нормальных условиях они могли получать питание от наземной сети, но при необходимости полностью отключались от неё и переходили на автономное энергоснабжение.

Для этого использовались ветрогенераторы, солнечные панели, аккумуляторные системы и аварийные дизельные установки.

Последние Орлов особенно уважал.

— Ветер может исчезнуть. Солнце тоже, как ни странно. А дизель либо работает, либо нет. И если он исправен и у вас есть топливо, то работает.

Автономность была необходима не только на случай отключения электричества.

На такой высоте погода могла значительно отличаться от той, что наблюдалась у основания. Повреждение оборудования, обледенение, штормовые нагрузки и проблемы с обслуживанием могли на несколько суток отрезать одну платформу от другой.

Поэтому основные жилые уровни проектировались так, чтобы люди могли продолжать находиться там даже при полной изоляции от остальных частей Станции.

Вода, отопление, вентиляция, очистка воздуха, аварийные запасы продовольствия. Всё рассчитывалось с большим резервом.

— И ещё, — добавил Орлов, — не путайте автономность с независимостью. Вы можете жить на Верхней платформе несколько дней без помощи снизу. Но это не значит, что вам разрешается самостоятельно решать, когда и как оттуда возвращаться.

Я записала это в блокнот.

•••

После короткого перерыва мы перешли к системам жизнеобеспечения.

Здесь меня ожидало небольшое открытие.

Оказалось, почти все помещения Станции, за исключением нижних этажей основания, имели герметизированный наружный контур.

Не абсолютную герметичность, как на космическом корабле, конечно. Но все жилые и рабочие помещения были изолированы от прямого воздействия внешней среды.

И дело было вовсе не в недостатке кислорода.

На высоте тысяча двести метров человек совершенно спокойно может дышать обычным воздухом.

Но открыть форточку здесь не получится.

— Точнее, попробовать можно, — пояснил Орлов. — Только я бы не рекомендовал.

На больших высотах Станция постоянно подвергалась воздействию сильного ветра, дождя, обледенения и резких перепадов температуры.

Наружные окна были неподвижными. Воздух поступал через специальные вентиляционные системы, проходил фильтрацию, подогревался или охлаждался и распределялся по помещениям.

В отдельных лабораториях поддерживались собственные параметры влажности, температуры и чистоты воздуха.

Все наружные выходы оборудовались тамбурами с двойными дверями. На верхних уровнях некоторые из них напоминали небольшие шлюзовые камеры.

Орлов отдельно объяснил, что назначение этих помещений не в выравнивании давления, а в защите внутреннего пространства от внезапного воздействия ветра.

— Если у вас снаружи шторм, а вы откроете обычную дверь, то с высокой вероятностью потом будете искать её вместе с дверной коробкой.

Кто-то засмеялся.

Орлов не улыбнулся.

— Это не шутка.

Смех прекратился.

Потом он рассказал о случае, когда несколько лет назад на одной из технических площадок неправильно закрепили внешнюю створку.

Никто не пострадал, но дверь вырвало из креплений и унесло.

— Мы нашли её через три дня. В океане.

Он сделал небольшую паузу.

— Поэтому все двери здесь закрываются. Всегда. Даже если вам кажется, что вы вышли всего на минуту.

•••

П

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.